

МАЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

И. РАХТАНОВ

АМАНГЕЛЬДЫ ИМАНОВ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1938

И. РАХТАНОВ

P 275

АМАНГЕЛЬДЫ ИМАНОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Рисунки
В. БЕЛЯЕВА

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1938 Ленинград

ДЛЯ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Ответств. редактор *М. Гершензон*
Художеств. редактор *П. Суворов*
Технич. редакторы *Р. Крайцова* и
М. Голованова

Корректоры *О. Каплан* и
С. Боровская

Сдано в производство 19/III 1938 г.
Подписано к печати 5/XI 1938 г.
Детиздат № 1822. Индекс Д-6.
Формат 82 × 113¹/₃₂. 2 печ. л.
Уполномоченный Главлита № 56363.
Тираж 100000 экз. Заказ № 403.

Фабрика детской книги Изд-ва
детской литературы ЦК ВЛКСМ,
Москва, Сушевский вал, 49.

34250

1967-58 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМ ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

1. УКАЗ «ВЕЛОГО ЦАРЯ»

На Турксибе, неподалеку от полотна железной дороги, возвышается круглая сопка. Ее называют Иман-тау — в память об Имане. Иман — дед Амангельды — был человек зависимый, полукрепостной. Он погиб лет сто тому назад, когда вольные кочевники-казахи защищали свои степи и свободу, сражаясь против войск Николая I.

Амангельды родился в тысяча восемьсот восемьдесят седьмом году. Мальчиком он пас байских¹ баранов, потом сторожил байские табуны. Был он смелым парнем — Амангельды! В барымте он неизменно бывал одним из первых.

---

¹ Б а й — кулак, богач.

Может быть, вы не знаете, что такое барымта? Это угон скота от богатых к беднякам в степь. Для участия в ней надо быть отличным стрелком, ловким и храбрым джигитом¹.

Амангельды часто ставил на палку гривенник и на далеком расстоянии сшибал его из винтовки. Или бросит гривенник на землю и на всем скаку подхватит его. Или кинет гривенник в реку, нырнет — и монета в зубах у него блестит.

В молодости Амангельды убил преследовавшего его за барымту бая Куспека Сарсынбаева. За убитого родственники потребовали большой выкуп, но деньги в кошельке у Амангельды никогда не звенели. Ему пришлось уйти из родного города Тургая в степь.

Там широко, места хватит всем!

В степи Амангельды полюбили. Он умел играть на кобызе² и на балалайке, пел песни. Черный, выше среднего роста, коренастый, он был батырем³ от рождения.

Кто видел его хоть раз — навсегда запоминал.

Прославился Амангельды в тысяча девятьсот шестнадцатом году. В тот год шла мировая война, и в степи, около города Тургая, где родился Амангельды, поднялось восстание. Амангельды возглавил его.

Дело случилось вот как.

---

¹ Джигит — наездник.

² Кобыз — духовой инструмент.

³ Батырь — богатырь.

Мальчиком Амангельды пас байских баранов.

Двадцать восьмого июля на тургайской площади прочитали царский указ. Его читали на двух языках — по-русски и по-казахски. Царь из далекого Петербурга призывал казахов на тыловые работы. Казахи должны были рыть окопы, чинить временные дороги и мосты для русской армии. За эту работу им обещали плату.

Казахов, туркмен и узбеков раньше не призывали в царскую армию. Они были освобождены от воинской повинности. Слово «повинность» было верное слово! Служба в царской армии была тяжелой повинностью для трудового народа. Сколько людей уклонялось от нее! Люди отсекали себе пальцы, принимали разные яды, только бы доктора из призывной комиссии сочли их негодными для армии.

— Сначала взяли наш скот, теперь и нас забирают, — говорили на площади казахи.

Как раз в это время по всей степи забирали для армии скот.

Понятно, что казахи не очень обрадовались, услышав перевод царского указа. Они не хотели идти на войну, умирать за царя.

И в ответ на указ они стали уходить из Тургая в степь, — там широко, всем хватит места. Несколько ночей в городе слышался собачий лай, верблюжий крик, людской говор, скрип колес, — это снимались с места казахи...

2. ЗЕЛЕННЫЕ ОЧКИ

Вскоре в Тургай приехал губернатор. Это был толстый человек в белом кителе, в блестящих шевровых сапогах; на переносице у него сидели зеленые очки, защищавшие глаза от пыли и от солнца. Фамилия его была Эвресман.

Опять на площади перед полицейским управлением, как и в тот день, когда читали указ, собралось много народу. Толпа стояла полумесяцем. Впереди, на ковре, сидели самые влиятельные казахи. Сидели они по-турецки, а против них на стульях развалились и губернатор, и вице-губернатор, и крестьянский начальник, и уездный.

Губернатор поднялся и громко сказал:

— Киргизы!

Так тогда называли казахов русские.

— Киргизы! — повторил губернатор. — Русский царь — ваш отец, вы — его дети. На отца вашего напали враги, они напали на его хозяйство. Царь-батюшка призывает вас защитить его хозяйство. Он в первую голову призвал кровных детей своих — русских. И те пошли на передовые позиции безропотно. Там, не щадя живота своего, поливают они своей святой кровью родные поля! Вас же отец зовет только на работы.

Было жарко. Город Тургай местные жители называют в шутку «Ветропыльском». Пыль но-

сится по улицам городка. Всегда — пыль, ветер и солнце, слепящее даже сквозь зеленые губернаторские очки.

— И за плату! — продолжал губернатор. — Вы не хотите, киргизы, исполнить его воли, пойти на тыловые работы. Так нехорошо! Да скажи мне государь-император: «Иди работать!» — и я тотчас же взял бы лопату и пошел бы рыть окопы. А вы?

Казахи молчали. Переводчик переводил.

После убийства бая Куспека Сарсынбаева вход в город для храброго Амангельды был закрыт. Здесь, в городе, его легко могли выследить царские слуги; он знал это и тем не менее в этот раз пришел на площадь. Ему нужно было услышать, что скажет самый большой царский начальник, какого он только знал, — губернатор. Когда переводчик закончил перевод, Амангельды выступил из рядов казахов и дерзко сказал:

— Позвольте, почтенный начальник, задать только один вопрос. По темноте своей мы не понимаем... кого же это будем мы защищать на войне?

Казахи не поняли, кого губернатор называет их отцом. Может быть, они и поняли, но не подали виду. Государя-императора они отцом не считали. Он не был для них даже отчимом. Еще Петр I сказал, что казахские степи — это «ключи и врата» к восточным странам. И с тех пор русские цари старались делать все, только бы

— Кого же это будем мы защищать на войне?

заполучить волшебные ключи и открыть ими таинственные для Европы врата Востока. Россия продвигалась все ближе к восходу солнца: при Екатерине II русские завоеватели были в оренбургских степях, здесь солнце всходило на два часа раньше, чем в Санкт-Петербурге; при Александре II они проникли в Среднюю Азию, здесь светало на три часа раньше, чем в столице; потом подошли к Приморью — и стрелки часов на восточной границе уже на семь часов обогнали петербургское время!

Уже пятьдесят лет Россия владела Туркестаном, но жители востока не считали Россию своей родиной. Завоеватели захватывали у них лучшие земли. Говорили, что у кочевников земли слишком много — нужно поэтому отобрать излишки.

На тарантасах стали приезжать в степь землемеры.

— Что по ту сторону холма — наше, — говорили они казахам, — что по эту — тоже наше-с. Уж не обессудьте-с, любезные.

Был такой закон — отбирать у казахов лесные участки. Зачем лес кочевникам? Но землемеры не очень разбирались, что лес, что поле, что песок, и брали все.

В голодную степь, где растет только колючка, где соль проступает из земли, — сюда на медленную смерть, на вымирание перегонял казахов русский царь.

Нет, губернатор Эвресман сказал неправду: царь не был отцом казахов, и им не за что было его защищать на войне.

Задав свой вопрос, Амангельды замешался в толпу. Власти еще не простили ему убийства Куспека Сарсынбаева, и Амангельды не хотел отдаться им в руки.

На площади поднялся шум. Казахи закричали громко и все разом. Из дальних степных аулов приехали они сюда на быстрых маленьких лошадках. Загорелые лица казахов казались губернатору черными и злыми. Он стоял среди крика и, не зная, что делать, то снимал, то надевал очки. Нужно было что-то сказать, но все слова вдруг пропали. Казахи кричали и по-русски и на своем языке.

— Киргизы! — сказал губернатор, но голос его звучал неуверенно. — На вашего отца напали... — продолжал он, отчаянно махая руками.

К середине речи губернатор овладел собой, и его прослушали со вниманием. Говорил он то же, что и в первый раз, только быстрее. Он снова стал уверять казахов, что счастлив был бы пойти работать по первому же слову государя-императора.

— А вы? — опять спросил губернатор.

И снова закричали казахи. Теперь отдельные голоса были слышны отчетливее. Люди просили обратно землю, отобранную у них зем-

лемерами, требовали вернуть скот, убрать жестоких и несправедливых начальников.

Внезапно на площади стало совсем тихо, и кто-то сказал по-русски:

— На войну не пойдём! Всех убьём, кто нас возьмёт. Приедет сам царь — и его убьём.

Это сказал не Амангельды. Он был уже далеко. Его искали, но не нашли.

Так началось тургайское восстание.

Опять Амангельды ушел в степь. На гнедом коне носился он из конца в конец области. Всюду он видел одно: богатые живут хорошо, бедные живут плохо. Везде составляются списки, кого брать на тыловые работы, и всегда эти списки начинают с бедняков.

Амангельды курил старую трубку, трубку деда Имана. Он скакал по степи, сам не зная куда, курил трубку бесстрашного деда Имана и пел песню, которую сам сочинил:

Темно в ясной степи,
Темно в моей голове.
Тесно в широкой степи,
Тесно мыслям моим в голове.
Без дороги несет меня конь,
Нет дороги тому, что хочу!

3. НА ТУРГАЙ

А время летело, быстрое, точно конь Амангельды. Где-то вдали от степей шла война. На полях Франции, Австрии, Бельгии рвались сна-

ряды, тяжелым облаком стелился смертоносный газ; как допотопные чудовища, топтали людей танки. Миллионы солдат умирали в окопах. Война требовала все новых и новых жертв. Себе в помощь Франция вывела из Африки чернокожие войска.

Русские генералы обернулись на восток. Пусть пойдут на войну народы Сибири, Монголии, Туркестана! Но народы востока не хотели идти на войну, не хотели защищать Николая Кровавого, его помещиков и фабрикантов. Они восстали, отказались пойти на тыловые работы.

Одновременно с тургайским восстанием начались такие же восстания в степях и пустынях Туркмении, Узбекистана — всюду, где жили люди, которых царское правительство считало «инородцами». Восставшие узбеки разрушили железную дорогу, по которой должны были приехать в их солнечный край царские войска.

Восставшие туркмены добыли себе оружие, разоружив военный транспорт.

Из Сибири, с Алтая, из Монголии шли в Петербург тревожные телеграммы. За царя никто не хотел воевать. Никогда еще восстания не принимали таких размеров. Теперь поднялись и пустыни, и степи, и горы.

Амангельды скакал по тургайским степям, призывая к борьбе казахский народ.

Вскоре рядом с его конем вырастают кони еще шестидесяти таких же молодых и смелых

удальцов. Теперь это сила, отряд. Всем этим парням надо на тыловые работы, но они не хотят. В широких штанах, подпоясанных сабельной портупеей, к которой привешен табачный прибор — трубка, кисет, огниво, — скачут они по родной степи. Это все джигиты, товарищи Амангельды по барымте, батыри казахского народа. За лисицами охотились они верхом и забивали зверя кнутами, как в старинные времена. Немногие ружья и патроны берегли они для карателей.

В первых числах сентября отряд Амангельды встретился с отрядом Ткаченко — помощника тургайского уездного начальника.

Был бой.

У Ткаченко — казачья сотня, у Амангельды только шестьдесят джигитов. Зато каждый стоит троих. Джигиты бились жестоко, желая победить или умереть, а солдаты Ткаченко дрались из-под палки, по приказу офицера.

Это была первая победа Амангельды. Весть о том, что Ткаченко бежал к Тургаю, разнеслась по степи, и отовсюду к смелому батырю стали приходить недовольные.

Их было много.

Амангельды разослал своих людей в уезды Кустанайский, Иргизский, Атабасарский, Актюбинский, Перовский, — там они разъезжали по аулам, славя полководца, созывая бедняков и недовольных на борьбу.

Амангельды скакал по степям, призывая к борьбе.

Это была большая и трудная работа, но она не пропала даром. Уже в октябре, когда первые ночные заморозки покрыли инеем скрюченные ветви саксаула, у Амангельды было двадцать повстанческих отрядов.

В иных насчитывалось до трех тысяч человек.

Восстание охватывало степь от края до края. Каждый день в отряды вступали новые бойцы.

Теперь это была уже настоящая армия. Она управлялась по своим законам. Сами бойцы из своей же среды выбирали начальников. Прежде всего они выбрали главаря всех отрядов — хана, потом ханатасы — главного советника, потом увазиров — советников, потом кырыжигитов — сорок самых смелых, потом жубасы — начальника ста человек, потом элюбасы — начальника пятидесяти, потом онбасы — начальника десяти, потом хабаратов — посыльных для сношений, и ту-котеруши — знаменосца.

В лагерях были построены кузницы, где ковалось оружие. В шорных мастерских чинили и делали седла. Когда джигитам нехватало лошадей, их по ночам выбирали в байских табунах.

Во всех отрядах часто видели гнедого коня Амангельды. Батырь бывал повсюду, всем давал советы, писал письма к начальникам, объяснял, как организовать силы; он требовал, чтобы казахи ни пяди не уступали карательным отрядам.

В лагерях были построены кузницы, где ковалось оружие.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

34250

Призывные списки хранились у волостных управителей. Только по этим спискам могли призвать на войну кочевников-казахов: никаких других сведений о населении степей не было у царских чиновников. Заполучить, уничтожить эти списки — вот задача. Волостные канцелярии подвергались разгрому. Повстанцы убивали управителей и забирали списки. В результате в двух уездах — Тургайском и Иргизском — к декабрю было мобилизовано всего лишь восемьдесят девять человек.

Теперь Амангельды знал, куда направить своего коня. Он взял путь на Тургай...

4. ШТУРМ

Город Тургай — степной городок.

Губернатор Эвресман не живет здесь, он управляет областью из Оренбурга. Эвресману было бы слишком скучно в городке, где только и есть что базарная площадь с крытыми торговыми рядами, полицейское управление, речка, мостик через нее, одноэтажные домишки, пыль, ветер — Ветропыльск.

Сюда, к Тургаю, Амангельды стянул свои отряды.

Расположились они тремя лагерями: с востока, запада и севера, — только с юга вход остался свободен.

Двадцать второго октября тысяча девятьсот шестнадцатого года Тургай был осажден.

Телеграфное сообщение с Оренбургом было прервано.

Помощник уездного начальника Ткаченко испугался. Населению Тургай он отдал приказ:

«После шести часов вечера выходить на улицу воспрещается. В случае нападения — всем жителям прятаться в школах».

Ткаченко знал, что ему нечего рассчитывать на милосердие казахов: за несколько дней до осады он насмерть заporол двух джигитов из отряда Амангельды.

Вслед за первым приказом Ткаченко издал второй:

«Ввиду возникших беспорядков въезд в город из степи киргизам воспрещается».

И в городе началась паника.

Двадцать третьего октября джигиты были уже в семи верстах от Тургай. Амангельды видел уже пожарную каланчу.

В городе шопотом передавался слух о том, что четыре дня назад в семидесяти верстах от соседнего городка Иргиза повстанцы атаковали карательный отряд; говорили, что повстанцев много, считать их нужно тысячами, что бой продолжался целый день и в рядах киргизов видели русского. Его даже узнали. Это был рабочий, участник японской войны, георгиевский кавалер, хорошо владевший винтовкой и знако-

мый с военным строем. Был он другом кочевников, помогал им организовать свои силы.

Из Оренбурга в Тургай направился специально приехавший туда из столицы генерал Лаврентьев. Он имел в своем распоряжении экспедиционный отряд — десять рот пехоты, четырнадцать орудий, шесть пулеметов, одиннадцать эскадронов.

У Амангельды не было ни пулеметов, ни пушек, но восстание разрасталось.

Теперь в отряды шли не только люди призывного возраста. Женщины, старики, подростки, взяв пики, шли и шли к Амангельды. Он принимал всех, в ком сердце кипело ненавистью к царской власти. Чем больше будет народу в восстании, тем лучше. И сейчас уже пятьдесят тысяч человек числилось в его отрядах.

У этой армии было мало огнестрельного оружия. Откуда ему быть у бедняков? Пика — вот оружие крестьянских восстаний. И у каждого джигита она была.

В отрядах обсуждали два плана занятия Тургай. Одни предлагали взять Тургай измором. Для этого нужно было отвести протекающую через Тургай речку. Это была большая работа. Другие предлагали пойти на штурм и приступом взять город. Джигиты хотели поскорее броситься в атаку.

Занять город немедленно! Об этом говорили в отрядах, это было необходимо еще и потому, что

правительство направляло в область новые и новые войска для подавления восстания.

— Город должен стать нашей крепостью! — говорил на собраниях Амангельды.

Он требовал атаки. В его характере было это — решительность, смелость, мужество.

— Мы должны взять город, — говорил Амангельды, кусая трубку Имана-деда. — Взять Тургай, столицу области, — вот наша задача, — доказывал он, — и чем скорее мы там будем, тем лучше.

Прошло всего несколько месяцев с тех пор, как носился он по степи, пел песню, сложенную в седле, и вот теперь он не согласился бы ни с одним ее словом. Теперь светло стало в ясной степи, светло и в голове, свободно стало в широкой степи, просторно мыслям в голове, конь Амангельды нес его по легкой дороге, — все сейчас было не так, как в песне, все наоборот. Его любят джигиты, а их уже пятьдесят тысяч!

Решение было принято. Джигиты поведут наступление с двух сторон, стремительно ворвутся в город, атакой захватят правительственные учреждения и казарму, разгромят гарнизон и превратят город в укрепленный лагерь.

Руководство штурмом принял на себя Амангельды. Его отряд должен был прежде других проникнуть в город.

Шестого ноября вечером, когда все приготовления к штурму закончились, Амангельды Има-

нов на своем гнедом коне объехал отряды, проверил людей и снова повторил:

— Завтра город должен стать нашей крепостью.

На рассвете шестнадцатого дня осады начался штурм Тургая. Четыре колонны двигались на город. Амангельды ворвался в него с южной стороны, где были правительственные учреждения. Он хотел прежде всего овладеть призывными списками.

Вот скачет он по булыжной мостовой городка, и искры сыплются из-под копыт его коня.

Он громит канцелярию крестьянского начальника, уничтожает списки, — теперь никого не возьмут на войну.

Народ приветствует своего батыря, казаха, взявшего царский город.

Несколько месяцев тому назад он исчез отсюда, — губернатор Эвресман был сильнее его. А теперь...

Однако еще не весь город был в руках джигитов.

Предатели, пробравшиеся в армию Амангельды, члены байской партии аллаш-орда, предупредили городское начальство о наступлении. Они зажгли на окраине города сотни стогов сена. Это был условный знак.

Бешеный ветер поднимал великую пыль, слепил глаза, перебрасывал пламя пожара со стога на стог.

Вот скачет он по булыжной мостовой городка...

В город ворвался только отряд Амангельды, — другие отряды джигитов не прошли: их не пропустили орудия генерала Лаврентьева.

Амангельды пришлось уйти из города: он понял, что его окружают здесь, и вывел отряд в степь.

Там он дал бой.

Шести пулеметам, четырнадцати пушкам генерала Лаврентьева он мог противопоставить только несколько охотничьих двустволок — и все же джигиты дрались до четырех часов дня.

Много в тот день пало храбрых джигитов.

Амангельды решил отступить. Что мог он сделать без оружия?

Призывные списки уничтожены — значит, атака удалась.

5. АУЛ БАТБАККАРЫ

И вот снова степь!

Здесь широко, места хватит всем! Много раз в жизни Амангельды уходил в степь, но никогда ему не было так весело. Словно в молодости, пел он песни, играл на кобызе, на балалайке. И каждая травинка подпевала ему: уничтожены списки, списки уничтожены!

Отряды расположились по тракту от Тургая до Иргиза.

Решили после подготовки снова начать штурм,

а пока не допускать к городу карательные войска.

Бои продолжались.

В городе сгорело шестьдесят семь домов — почти половина всего Тургая. По ночам после каждого случайного выстрела начиналась паника.

На площади перед полицейским управлением ежедневно служили молебны. Пели «многогая лета» государю-императору.

Хлеб в лавках исчез, исчезли дрова, нечем было топить печи.

Так продолжалось до шестнадцатого ноября. В этот день Тургай заняли основные отряды карательной экспедиции — полк оренбургских и два полка донских казаков, эскадроны гусар и драгун, роты особого назначения.

Амангельды не мог остановить их — враг был слишком силен. Оставалось одно — снять осаду.

Батырь отвел свои отряды в степь.

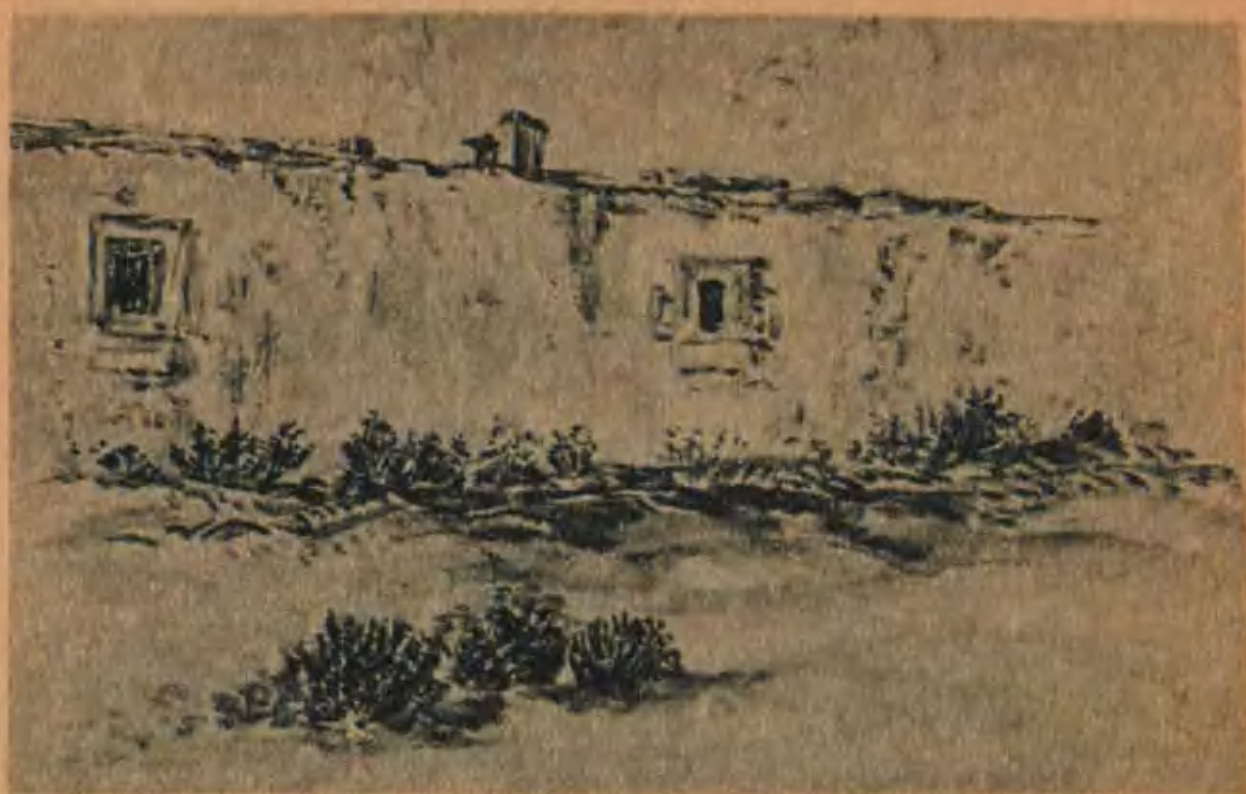
Сто двадцать километров проскакали джигиты, прежде чем достигли аула Батбаккары.

Начинались морозы. Солнце светило, но не давало тепла. Нужно было подумать о зимних квартирах для повстанческой армии.

Штаб восстания организовали в ауле.

Здесь опять были устроены кузницы, где выковывали холодное оружие.

Бойцы торопились. День и ночь шла работа: людей в отрядах много, а оружия мало. Выделывали шашки, чинили ружья.

Штаб восстания в ауле Батбаккары.

В мастерские часто приходил Амангельды — после этого работалось быстрее.

Амангельды знал о каждом продвижении карательных войск. У него были свои люди и в Тургае, и в Иргизе, и в аулах.

Ему нехватало оружия. Он воевал с большой, технически оснащенной армией, — разбить ее он не мог, но защищаться было в его силах.

И защищался он героически; нападал на отдельные карательные отряды и бесстрашно дрался с ними, всегда впереди своих джигитов. Имя его передавалось из уст в уста.

— Рядом с Амангельды не может быть трусов, — говорили в степи.

Оружие батырь добывал себе в боях. Скоро его джигиты стреляли из пятисот царских винтовок.

Шла зима. Дул свирепый ветер.

Амангельды сидел с отрядом на теплых квартирах в Батбаккары. Верные люди известили его о том, что карательная экспедиция движется на аул. Он расставил отряды так, чтобы прикрыть в случае надобности отступление, и принял бой восемнадцатого и двадцать четвертого февраля тысяча девятьсот семнадцатого года. Оба эти сражения продолжались с утра до вечера.

Каратели пустили в ход артиллерию. Джигиты бились храбро. В этих боях погибло четыреста повстанцев.

Сохранился рассказ участника карательной экспедиции, одного из офицеров генерала Лаврентьева. Вот этот рассказ:

«Видим, едет киргиз. Мы втроем — Иван Иванович, Иван Петрович и я — за ним. Он соскакивает с лошади, становится в боевую позицию. Иван Иванович разлетается, но киргиз с топориком на палке перебил ему клинок занесенной над ним шашки и перерубил направленную на него пику, а подоспевшего Ивана Петровича чуть было совсем не зарубил. Вот какой попался! Но я недаром был тут же с друзьями, — я стал стрелять в него и прострелил ему живот, а затем мы все втроем кололи его, а он все жив! Вспоминать — смех разбирает. Мы его режем,

а он — живой. Ну, мы не стали его докалывать. Пусть, думаем, помучится в степи. И уехали. Часа через два, когда ехали обратно мимо него, он все еще был живой и просил прикончить. Ну, конечно, мы сняли с него сапоги, лисью шубу, — словом, раздели донага и бросили в снег».

Утром двадцать четвертого февраля аул Батбаккары был занят генералом Лаврентьевым.

Царские слуги жестоко подавили восстание казахов. Тысяча девятьсот шестнадцатый год и начало семнадцатого были страшным временем не для одних казахов. Не стерпев угнетения, восставали и узбеки, и таджики, и туркмены; против них шли царские войска с пушками, пулеметами, броневиками. Повсюду пылали кишлаки и аулы, лилась кровь восставших народов.

Но партия большевиков недаром вела к одной цели и рабочих, и крестьян, и солдат, и всех угнетенных. Великая Октябрьская социалистическая революция освободила и казахов, и узбеков, и таджиков, и туркмен.

За два года, что прошли со времени тургайского восстания, другой стала степь, другими стали казахи, другим был теперь и казахский батырь Амангельды.

Не против волостных управителей, не против призывных списков шла теперь борьба. Большие дела подняла степь. Казахский народ боролся за новую, свободную жизнь, за ту жизнь, о которой рассказывали в своих книгах и Ленин и

Сталин. Их читал Амангельды в Оренбурге у русских рабочих. Он понимал в книгах почти все, а то, чего не понимал, ему объясняли рабочие, которые были с ним в одном кружке. Амангельды чувствовал, что с каждым днем сильнее становится от этих больших и могучих мыслей. А силы нужны были теперь Амангельды, как никогда.

Всю страну — города, деревни, аулы, и горы, и леса, и степи — охватила гражданская война; баи, генералы, чиновники не хотели сдаться, они сопротивлялись. И около Тургая, у Актюбинска, проходил колчаковский фронт. На стороне адмирала Колчака против народа сражались казахи — члены контрреволюционной партии аллаш-орда. С ними должен был бороться Амангельды, и он готов был к решительному бою.

Светло было в голове у батыря, и он больше не кусал с досадой старую трубку славного Имана-деда. Он курил ее ровными затяжками, потому что спокойно было его сердце и он верил в победу.

6. 1919 ГОД

В начале тысяча девятьсот девятнадцатого года уездный военный комиссар Амангельды сказал:

— Мы — казахи. Судьба казахского народа связана с победой большевиков во всей стране.

Если где-нибудь побеждают большевики, это значит, что побеждаем мы. И наоборот. Поражение большевиков где бы то ни было — наше поражение. Поэтому мы всеми силами обязаны помогать большевикам. Я, Иманов Амангельды, внук Имана, умершего смертью храбрых, — я со своим отрядом отправляюсь на фронт.

Но Амангельды не удалось пойти на фронт. Его убили, убили предательски.

В ночь накануне выступления красных джигитов его отряда в Тургае произошел контрреволюционный переворот. Товарищей Амангельды разоружили, к саманному домику, где жил ба-тырь-комиссар, послали пятьдесят колчаковцев и членов байской партии аллаш-орда. Они должны были взять его живым.

И вот Амангельды начал свое последнее сражение — один против пятидесяти, вооруженных японскими винтовками.

Сутки, целые сутки отстреливался Амангельды. Взять его не было возможности. Винтовка его работала четко, пули били без промаха.

И когда у комиссара остался последний заряд, он открыл окно, затянулся трубкой славного деда Имана, выстрелил в золотопогонника и крикнул:

— Теперь стреляйте! Стреляйте метко, гады! Голос его покрыл ружейные залпы.

— Но помните, — кричал Амангельды, — вам скоро конец! Революция победит!

Так умер смелый батырь, верный сын партии большевиков, герой казахского народа Амангельды Иманов.

Счастливо живет сейчас казахский народ. Но седые певцы, акыны, помнят еще жестокий царский гнет. И когда собираются на веселый праздник свободные колхозники казахских степей, акыны вспоминают в своих песнях героев, погибших в борьбе за счастье народа. Они поют о старом Имане и о внуке его Амангельды — о славном внуке славного деда.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Указ «белого царя»	3
2. Зеленые очки	7
3. На Тургай	12
4. Штурм	18
5. Аул Батбаккары	24
6. 1919 год	29

Прим 459

34250

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

Цена 50 коп.

